

1697

Европеизация от амуниции

Зимой 1697 г. в Москве готовилось «Великое посольство» — укреплять союз европейских стран против «салтана турецкого, хана крымского и всехбурсманских орд». Среди волонтеров, ехавших обучаться морской науке, под именем Петра Михайлова скрывался Петр I. Он хотел сам увидеть приоткрывшийся ему в московской Немецкой слободе западный мир с его деловым размахом, океанской торговлей, процветанием наук и искусств.

Во время подготовки миссии кем-то из чинов Посольского приказа был составлен документ о положении крестьян в странах Европы. Появление такой «аналитической записки» не случайно совпало с кануном петровских реформ. Небывалый вояж «великого государя царя» (да еще в качестве простого работяги) в чужие страны означал конец российского Средневековья. «Дух времени» постепенно подрывал основы старой российской военно-государственной системы и средневекового мировоззрения.

«Во Франции, сказывают, невольных никаких нет, а служат все за плату в урочные лета и с крестьян господам брать в слуги невольны. А волен во всех крестьянех король, естли кого из них хочет взять в солдаты и до протчих услуг своих. А господа их токмо берут с них уреченной оброк по уставу. В Англии и в Италии також, как сказывают, и в Гишпании, живут люди потому ж на урочные лета наемные; а как срок доходит, то должен слуга, естли впредь у господина наймыватся не хочет, за несколько месяцев то сказать господину своему, что он более у него служить не будет. Да и крестьян невольных у них нет, токмо имеют господа земли свои, которыхя крестьяне у них оброчат на несколько лет, а потом по воле своей или когда не возмогут в оброке договориться, могут в ьное место жить перейти; а сверх договору ни в какую работу дворовую их господа нудить не могут. Такое

ж поведение и волность людем и крестьянам и в Голандии, с таким еще различием, что и купленные невольники, хотя и не христианские веры, могут, когда хотят, свободно от господина своего к иному господину. А крестьяня во всей Германии невольные... против того жив Датцкой земле во всем. В Польше сие известно многим, что содержат во крестьянех и слугах слуги наемные, а крестьяны невольные...» (Выписка, каким образом в чужестранных разных государствах поступают со служителями и с крепостными людьми // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1905. Кн. 3. Смесь. С. 30—31).

В основе структурного кризиса Московского государства XVII в. лежало нараставшее отставание России от стран Европы; но попытки выхода из кризиса порождали в правящих кругах как «реформаторские» настроения, так и оппозицию им. Приведший Петра к власти переворот 1689 г., вопреки обычным представлениям, был не победой молодого реформатора над косным боярством, а консервативной реакцией на умеренно «западническую» политику царя Федора Алексеевича (1676—1682) и царевны Софьи. Великий русский историк В.О. Ключевский был уверен: «Прощай Федор еще 10—15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама».

«Первый министр» царевны князь Василий Голицын много потрудился для создания коалиции европейских стран для борьбы с Османской империей. По сообщениям дипломатов, князь готовился создать регулярную армию, ликвидировать государственные монополии и даже отменить крепостное право. Голицын стал и первым из плеяды официальных фаворитов при «дамских персонах». К подобным вещам в его время современники еще не привыкли: с криком «временщик» в 1688 г. бросился на князя убийца.

Если бы Голицын пришел в политику несколькими годами позже, он вполне смог бы стать достойным сотрудником Петра. Но в 1689 г. они оказались по разные стороны баррикад. Привлечение иностранцев и попытка устройства университета вызвали недовольствие церкви. Не случайно Петра в конфликте с Софьей поддержал патриарх Иоаким, сразу же потребовавший изгнания из России иностранцев. В своем завещании патриарх умолял царя разорить «еретичес-

кие» храмы и не допускать православных «общения в содружестве творити» с иноверцами. Приход к власти Петра I не оправдал надежд церковного руководства: церковь была вынуждена смириться с падением своей роли в политической жизни страны. И все же прошло несколько лет, прежде чем царь понюхал пороха в Азовских походах 1695—1696 гг. и приступил к преобразованиям.

В исторической науке с начала 90-х гг. XX в. появились попытки выявить альтернативные пути и «точки бифуркации» исторического развития страны. Некоторые историки полагают, что к концу XVII в. обозначилась объективная тенденция капиталистического развития страны. Другие сомневаются в такой готовности, но думают, что энергичный царь в условиях кризиса системы служилых «чинов» мог бы — при желании — сравнительно легко избавиться от крепостного права. Приведенная выше записка свидетельствует: в «верхах» о положении крестьян думали. И смотрели — во время знаменитого путешествия по землям Швеции, Пруссии, Голландии, Англии, Австрии, — каково оно в этих странах.

Молодой царь и его окружение, не скованные рамками посольского этикета, могли знакомиться с разными сторонами жизни западноевропейского общества. Они общались с коронованными особами и их министрами — и мастерами, торговцами, моряками, епископами, актрисами. Петр с одинаковым интересом работал на верфи, посещал мануфактуры, монетные дворы, театр и больницы, повышал квалификацию в качестве кораблестроителя и артиллериста, сидел в портовых кабаках и наблюдал за публичными казнями.

Гулял в «русском» стиле. «Спальня, убранная голубой отделкой и голубая кровать, обитая внутри светло-желтым шелком, вся измарана и ободрана. Японский карниз кровати сломан. Индийское шелковое стеганое одеяло и постельное белье запятнаны и загрязнены. Туалетный столик, обитый шелком, сломан и изрезан. Стенной орехового дерева столик и рундук сломаны. Медная кочерга, пара щипцов, железная решетка, лопатка — частью сломаны, частью утрачены. Палевая кровать разломана на куски...» — таким он оставил предоставленный ему особняк в английском Дептфорде, с поломанными деревьями и истоптанным газоном. Но после неумеренного «веселья» — вел переговоры, наблюдал морские маневры, знакомился с Оксфордским университетом, заглянул в парламент: «Царь московский, не выдавший еще до тех пор собрания парламента, нахо-

дился на крыше здания и смотрел на церемонию через небольшое окно».

Письма Петра, передающие его впечатления от калейдоскопа событий и достопримечательностей, предельно скупы и сообщают только о делах и передвижениях: «Здесь, слава Богу, все здорово, и работаем на Индейском дворе»; «Покупки, которые принадлежат к морскому каравану, от господина генерал-комисария искуплены, также и ружье, которое принадлежит к конным и пешим полкам, искупают же. Что станет впредь чиниться, писать буду. Из Амстрадама, декабря в 1 день»; «...о железных мастерах многожды говорил Витцену»; «.. мы третьего дни, слава Богу, возвратились из Англии все здорово и на будущей недели, Богу изволшу, поедем отсель в Вену. Питер».

Где-то здесь, в центре деловой, динамично развивавшейся Европы Петр решил внедрить в России западноевропейскую «модель» жизни, как можно скорее перенять все необходимое наперекор старому укладу и его традициям. Случилось ли это на королевской верфи в Дептфорде, где царь постигал высокие технологии своего времени — искусство кораблестроения, или в лондонской часовой мастерской Карте, где выучился на часовщика, сказать трудно. Но в то же время ясно, что западный мир московский царь воспринял как сложную машину, набор технических приемов и форм, которые надо как можно скорее использовать у себя дома. Другой вопрос — мог ли он понять основы качественно иного мироустройства, социальной структуры, отношения власти и подданных? Едва ли.

И все же он пошел на принципиальный разрыв с «московской» традицией и утверждал новую культуру, основанную на иной «знаковой системе». Образцом для восприятия объявлялось не восточное благочестие, а культурный уклад Западной Европы; бороду надо было менять на парик, русский язык — на немецкий; античная мифология («еллинская ересь») стала официальным средством эстетического воспитания. К прошлому у него был и личный счет. На глазах десятилетнего Петра во время стрелецкого восстания 1682 г. погибли знатнейшие бояре и братья его матери-царицы; такой он навсегда запомнил прежнюю Русь.

Отсюда и темпы реформ: на следующий день после прибытия из-за границы царь лично обрзал бороды у потрясенных бояр, потом сам стал укорачивать рукава и приказал «всем служилым, приказным и торговым людям» носить иноземное платье. Указами вводилось но-

вое летосчисление — от Рождества Христова. С набором рекрутов началось формирование новой армии. Реформа 1699 г. лишила воевод судебной власти над горожанами, которым разрешено было выбирать свои органы — «бурмистерские избы» (правда, за милость надо было расплачиваться двойным размером податей). Началась подготовка нового свода законов.

По единодушному мнению современников Петр обладал огромным запасом энергии, необыкновенной любознательностью, целеустремленностью — и вместе с тем практическим трезвым расчетом, умением использовать обстоятельства и выбирать людей — не многим правителям удавалось собрать вокруг себя столько одаренных и на все способных помощников. Петр вставал в 5 часов утра, большую часть жизни провел в бесконечных переездах и, кажется, совсем не умел отдыхать — отдыхом ему служила смена занятий.

Царь отличался колоссальной работоспособностью и универсальными способностями. Сам он гордился, что владел 12 профессиями и был не только матросом и плотником, но и высококлассным артиллеристом, капитаном, инженером-кораблестроителем — специальностей выше по техническому уровню в начале XVIII в. не было. А еще — токарем, часовщиком, каменщиком и даже врачом; если же лекарское искусство ему изменяло — мог вполне профессионально сделать вскрытие и установить свою же ошибку в диагнозе.

Разносторонняя образованность и горячая любовь к отечеству сочетались в нем с поразительной жестокостью и пренебрежением к человеческой личности. Не терпевший непрофессионализма ни в чем, Петр мог указать палачам на погрешности в их работе («ноздри вынуты малознатно», а надо — до кости!) или порадовать флорентийского герцога — приказать отловить в тундре ему в подарок шесть «самоедов»-ненцев «подурнее рожищем». Русский царь и первый меценат личным примером учил соблюдать светские приличия (в том числе, например, что нехорошо во дворце валяться на кровати в грязных сапогах) — и рубить головы восставшим стрельцам.

Очень трудно сказать, как пошло бы развитие страны, если бы не началась тяжелейшая война с одной из великих держав Европы, обладавшей 180-тысячной армией и мощным флотом. Но к этой войне Петр сознательно и последовательно стремился. Во-первых, потому что прорыв в Европу был невозможен, пока Швеция господствовала на море и берегах Балтики; во-вторых, царь был молод, нетерпелив,

жаждал побед и славы. В ходе войны окончательно сложились и политические взгляды Петра.

На первом месте для него было процветание и могущество государства как движущей силы общественного прогресса и главного условия благосостояния не всегда разумных и усердных подданных. До конца жизни он демонстрировал собой образец служения государству, последовательно (и на деле!) исполняя воинский долг от «бомбардира» до генерала и вице-адмирала и получая соответствующее жалование.

Этому служению он подчинял и личную жизнь, не щадя ни себя, ни близких. Этому же требовал и от других. Когда Петр в 1716 г. в Копенгагене не смог повидать поутру своего союзника — датского короля Фредерика IV (тот проводил время с любовницей), он сделал царственному «брату» замечание и в ответ на упрек, что и он, Петр, имеет «метресс», возразил: «Мои шлюхи мне ничего не стоят. Но та, что содержит вас, обходится вам в тысячи риксталеров, которые вы могли бы потратить с гораздо большей пользой». В ходе «троевременной школы», как называл царь Северную войну, он создавал задуманное им «регулярное» государство; его основные черты обозначились на втором этапе реформ — примерно с середины 1710-х гг. Модернизация Московского царства шла стремительно, но Россия не стала похожей на Голландию.

Капитализм из-под палки

Исход войны решали не только полководцы и солдаты: при отце Петра железо в Россию ввозилось из Швеции, ружья — из Голландии, да и сам он еще несколько лет после Полтавской битвы вынужден был закупать оружие за границей. Но все же к 1725 г. количество мануфактур увеличилось с 20—30 до 200; появились новые отрасли: табачное, полотняное, шелкоткацкое, хлопчатобумажное, писчебумажное производства. Окрепили уральские металлургические заводы: объем их продукции вырос в пять раз и выдвинул Россию на третье место в мире.

Вырос настоящий «военно-промышленный комплекс»: крупные (на некоторых работало по тысяче и больше людей) предприятия — Тульский и Сестрорецкий оружейные заводы, Адмиралтейская

верфь, Петербургский литейный двор, Хамовный, Канатный, Суконный, Портупейный, Шляпный дворы и другие мануфактуры смогли вооружить, одеть и экипировать армию, оснастить всем необходимым флот.

С 1702 г. стали призываться иностранные специалисты — мастера, офицеры, ученые, ремесленники, в условия контракта которых включалось требование «учить русских людей без всякой скрытности и прилежно». Выгодные условия привлекали мастеров, к неудовольствию их правительств; английскому послу со слугами однажды пришлось ночью громить мастерскую британского подданного, чтобы не допустить утечки технологических секретов. Вслед за специалистами «импортировались» организационно-экономические формы: в России впервые появились акционерные общества — «кумпании» — и биржа. Неудобную серебряную копейку заменили серебряные рубль и полтинник и медная мелочь.

Основанные казной предприятия передавались в частные руки с беспроцентными ссудами, беспошлинной продажей товаров и другими льготами. «Берг-привилегия» 1719 г. разрешала всем без исключения подданным разыскивать залежи полезных ископаемых и строить заводы даже на территориях частных владений. Таможенный тариф 1724 г. поощрял экспорт продукции отечественных мануфактур и охранял высокими пошлинами (до 50—75% от стоимости товара) внутренний рынок от наплыва «заморских» конкурирующих изделий. В итоге форсированного развития промышленности в 1725 г. в структуре русского экспорта 72% приходилось на готовые изделия и только 28% — на традиционные виды сырья. Русское железо и парусина стали конкурентоспособными на мировом рынке.

Но Петр I не стремился внедрить в стране систему свободного предпринимательства. «Заводы размножать не в едином месте, так, чтобы в пять лет не покупать мундира заморского, и заведение дать торговым людям, собрав компанию, буде волею не похотят, хотя в неволю», — так он представлял себе развитие суконного производства в стране. Грозные указы повелевали строить исключительно «новоманирные» суда или использовать предписанную свыше технологию изготовления юфти (кожи) — «а кто будет делать юфти по-прежнему, тот будет сослан в каторгу и лишен всего имения». Промышленникам назначались размеры капиталовложений, ассортимент изделий и объем производства. Главной обязанностью было выполнение казенных

заказов; лишь «сверхплановая» продукция могла идти на рынок. Несоблюдение условий грозило конфискацией предприятий — в русском языке Петровской эпохи отсутствовало само понятие «собственность».

Казна была крупнейшим предпринимателем и торговцем. Железо с казенных заводов (свыше 80% всего производства) продавалось за границу. Государство ввозило для последующей продажи «в народ» соль, табак, курительные трубки, игральные карты, иногда вино. Оно же, особенно в первые, наиболее тяжелые годы войны, объявляло монополию на производство или торговлю определенными товарами (пенькой, строевым лесом, смолой, мехами, икрой, табаком, солью), что приводило к повышению цен и нарушению рыночной конъюнктуры. Распоряжения о запрещении вывозить экспортные товары через Архангельск и Ригу рвали налаженные хозяйственные связи.

Царь решил ввести полную государственную монополию и на производство, и на продажу водки. Указы 1708—1710 гг. запретили всем подданным — в том числе, вопреки старинной традиции, и дворянам — винокурение для домашних нужд; у «всяких чинов людей» предполагалось конфисковать перегонные «кубы». Но попытка провести в жизнь этот план не удалась даже непреклонной воле Петра. Казенная промышленность не смогла нарастить достаточные мощности, чтобы заменить частное производство, а провинциальная администрация была не способна — да и не очень старалась — проконтролировать все дворянские хозяйства. В итоге власть отступила: указ 1716 г. разрешил «всяких чинов людям вино курить по-прежнему про себя и на подряд свободно» при условии уплаты особого промышленного налога.

В конце петровского царствования власть отказалась от наиболее грубых методов вмешательства в хозяйственную жизнь. Но на смену прямым запретам пришла система государственного регулирования экономики. Берг- и Мануфактур-коллегии оформляли разрешения на открытие предприятий, распределяли среди них заказы, контролировали качество и объем товаров, выдавали ссуды и даже судили «фабриканов».

Создание современной промышленности «сверху» не дополнялось массовым развитием предпринимательства «снизу». Реформы и военные расходы тяжело сказывались на развитии деревни и особенно города (горожане составляли всего 3% населения России). С началом

губернской реформы в 1708 г. горожане опять, как в XVII в., попали в подчинение к местным властям — комендантам и воеводам. «Добрых и прожиточных» купцов и посадских с 1711 г. переселяли в неблагоустроенный Петербург. За право стать городским жителем крестьянин должен был уплатить двойную ставку налога, что не избавляло его от крепостной зависимости. В итоге даже петровское законодательство вынуждено было признать в 1721 г.: «Купеческие и ремесленные тяглые люди во всех городах обретаются не токмо в каком призрении, но паче ото всяких обид, нападков и отягощений несносных едва не все разорены, от чего оных весьма умалилось, и уже то есть не без важного государственного вреда».

С начала войны на горожан и крестьян, в дополнение к прежним, обрушились новые денежные и натуральные повинности: «запросные», «драгунские», «корабельные», на строительство Петербурга и т. д. Специалисты-«прибыльщики» придумывали, что бы еще обложить налогом; в этом перечне оказались бани, дубовые гробы и серые глаза. Крестьяне обязаны были возить казенные грузы, работать в счет податей на казенных заводах, строить новую столицу (по 40 тыс. чел. в год), каналы и крепости. Первая перепись-«ревизия» 1718—1724 г. зафиксировала 5,6 млн «душ» мужского пола, из которых 4 млн принадлежали дворцовому хозяйству, церковным и светским владельцам. Им пришлось платить «подушную подать»: 74 коп. в год с каждой крепостной мужской «души», по 1 руб. 14 коп. с государственных крестьян и по 1 руб. 20 коп. с горожан. Налоговая система принесла в 1724 г. доход в 8,5 млн рублей при 9-миллионном расходе, из которого 63% шли на армию (собственно ставка подушной подати и была определена путем деления военных расходов на число выявленных при переписи плательщиков). За четверть века, даже с учетом падения стоимости денег, казенные доходы выросли в три раза; с реальной «души» эти поборы увеличились не менее чем на 50%.

Ежегодно, а то и два-три раза в год деревня провожала новобранцев на бессрочную службу в армию. При Петре I в армию ушло около 400 тыс. рекрутов, т. е. каждый десятый-двенадцатый мужик; 200 тыс. из них погибли в сражениях или от болезней, были ранены, искалечены, пополнили ряды бродяг и нищих. Оставшимся дома предстояло содержать войска. Это только в кино «обыватели» радовались входившему в городок полку: у солдат и офицеров не было ка-

зарм, и они жили на постое в частных домах; хозяева должны были обеспечить «гостей» помещением и дровами.

К казенным повинностям добавлялся крепостной гнет. В 1682—1710 гг. дворянам было роздано 43 тыс. крестьянских дворов (примерно 175 тыс. чел.). Петровская «ревизия» уравнила в бесправии владельческих крестьян и холопов; по закону имущество крепостных стало рассматриваться как собственность их владельца и могло быть конфисковано за его вину. В 1724 г. были введены паспорта, без которых крестьяне и горожане не имели права покинуть место жительства. Результатом стало массовое бегство, в том числе за границу: в 1719—1727 гг. в бегах числилось почти 200 тыс. «душ». На протяжении петровского царствования постоянно вспыхивали волнения: восстание в Астрахани в 1705—1706 гг., в Башкирии в 1705—1711 гг., движение Кондратия Булавина на Дону в 1707—1708 гг., Тарский бунт в Сибири в 1722 г. По дорогам империи бродили «разбойные партии» беглых и дезертиров. Вообще криминогенная обстановка в стране заметно ухудшилась, и это тоже необходимо включить в «цену» форсированной модернизации.

Но государственное вмешательство и усиление крепостничества — это еще не вся цена экономического скачка. Реформы «пересаживали» на российскую почву передовые формы производства; но, «попадая в нее, элементы нового экономического и общественного порядка прочно «схватывались» сложившейся крепостнической системой отношений и деформировались ею.

В русских городах появились купеческие гильдии и ремесленные цехи (1721), но они стали не самоуправляемыми корпорациями с гарантированными правами, подобными западноевропейским, а группами «регулярных» налогоплательщиков, в которых наиболее состоятельные граждане обязаны были платить за неимущих. Государственное «ускорение» развития промышленности ставило предпринимателя в зависимость от бюрократии. Ликвидация слоя «вольных» и «гулящих» людей и массовый сыск беглых лишали его возможности рассчитывать на рыночную конъюнктуру и вольный найм рабочей силы и заставляли добиваться казенных привилегий и заводить крепостных рабочих.

К казенным предприятиям «приписывались» целые крестьянские волости. На мануфактуры стали принудительно отправлять нищих, бродяг и преступников («виновных баб и девок»). Наконец, в 1721 г.

Петр I издал указ, разрешавший частным владельцам заводов «деревни покупать невозбранно». Потенциальные капиталистические предприятия превращались в «крепостную мануфактуру», ее владелец становился хозяином своих рабочих и мог обращаться с ними по своему усмотрению — например, «штрафовать цепью» за проступки, включая «сварливую жизнь в семействе».

Сами мануфактуристы стремились любой ценой стать дворянами, чтобы получить привилегии и гарантии собственности; так поступали Строгановы, Демидовы, Баташовы и многие другие. Петровские законы намеренно открывали городской верхушке путь в «шляхетство» в обмен на «тщательное радение» в местных органах управления. Даже спустя много лет после Петра предприниматели оставались людьми «второго сорта» и жаловались: «А ныне, принеся казне большой доход, почтения и рангу себе больше не заслужат, как двух имян: первое — мужик сорокоалтынный, второе — подлой человек».

Зависимость предпринимателей от казны (заказы, гарантированный сбыт, монополии, даровой труд «приписных») не стимулировала технический прогресс и конкуренцию. Московские купцы критически отзывались о продукции отечественных шелковых мануфактур: «Против заморских работой не придут, а ценою продаются из фабрик выше заморских». В торгово-промышленную деятельность устремились вельможи, вроде князя Меншикова — хозяина первых в России «доходных домов», винокуренных, кирпичного, хрустального заводов и совладельца шелковой мануфактуры. Такие «предприниматели», как и «одворянившиеся» заводчики-купцы, смотрели на свои предприятия лишь как на источник доходов и не заботились о совершенствовании производства.

Созданная в кратчайшие сроки мощная экономическая база позволила догнать и даже перегнать по ряду показателей страны Западной Европы. Но оборотной стороной этого рывка был поворот промышленности на крепостнический путь развития, что привело к прогрессирувавшему экономическому отставанию России с начала XIX в. Эта же причина предопределила экономическую и политическую слабость российской буржуазии: до самого начала XX в. она так и не сложилась в особую социальную группу с осознанными интересами.

«Регулярное государство»

В 1708—1718 гг. были намечены контуры нового государственного аппарата. Высшим органом управления стал Сенат (1711), которому подчинялись коллегии (начали работу в 1719—1721 гг.). К этой реформе царь готовился заблаговременно. Начиная с 1712 г. чиновники и дипломаты получали указания собирать и изучать «права других государств»: законодательство Австрии, Дании и даже основного противника — Швеции. Для работы в коллегиях пришлось привлекать иностранцев — чехов, англичан, мекленбургских, саксонских, эстляндских, лифляндских «немчин» и пленных шведов.

Петр верил, что «лучшее устройство через советы бывает», и поэтому требовал коллегиального обсуждения и решения дел. Новая система управления имела ряд преимуществ по сравнению с приказной: четкое разделение сфер компетенции, действие на всей территории страны, единообразие устройства. Впервые закон определял рабочее время чиновников, круг их обязанностей, зарплату и даже отпуска; вводились присяга чиновников, единые правила делопроизводства. Все это определялось подробными уставами и регламентами, многие из которых сочинил сам Петр.

В 1708 г. Россия была разделена на губернии, которые в свою очередь с 1719—1720 гг. делились на провинции, ставшие основными единицами территориального деления. Провинции состояли из округов-«дистриктов» во главе с земскими комиссарами, избираемыми местным дворянством. При провинциальном воеводе появились камерир (ответственный за сбор налогов), ландбухгалтер, рентмейстер (казначей), лагшрихтер (судья), контора рекрутских дел, контора розыскных дел и другие учреждения и лица, подчиненные соответствующим коллегиям; так Петр пытался создать местные органы центральных учреждений, т. е. ведомства. Он также впервые попробовал отделить суд от администрации и создал судебные органы, подчинявшиеся только Юстиц-коллегии.

В систему новых учреждений при Петре была включена и церковь, сохранявшая до этого некоторую автономию от государства. В 1721 г. патриаршество было упразднено; высшим церковным учреждением стал Святейший синод — «духовная коллегия» из епископов и других священнослужителей, где руководящая роль принадлежала сторонникам реформ Феофану Прокоповичу и Феоodosию Яновскому

и назначенному царем чиновнику — обер-прокурору. Как и прочие служащие, члены Синода получали жалованье и приносили присягу царю как главе церкви — «крайнему судии духовной сей коллегии».

Храмы и монастыри получили утвержденные штаты и должны были устраивать за свой счет богадельни для отставных солдат. Утвержденный Петром I основной закон по делам церкви — Духовный регламент — обязывал священников доносить об открытых на исповеди политических преступлениях. Приходским священникам вменялось в обязанность во все недельные праздники после литургии зачитывать вслух воеводские «публикации». Кроме того, от них требовали «подтвердительные сказки» «под лишением священства и под политической смертью» об отсутствии беглых в приходах. В случае появления беглых священник обязан был доносить властям.

Модернизация государственного аппарата привела к увеличению числа чиновников. В 1715 г. в центральном аппарате было 1396 подьячих, а в 1721 г. — уже 3101; на местах появились коменданты, вальдмейстеры, провиантмейстеры, комиссары. Новая система учреждений вызвала к жизни новый — бюрократический — принцип работы этого механизма взамен старого, служебно-родового: любой чиновник, независимо от его происхождения и статуса, мог быть смнен или назначен на должность по усмотрению начальства.

Отныне продвижение по службе, включая получение дворянского звания, определялось личными заслугами, усердием и опытом. Новый порядок был закреплен Табелью о рангах (1722) — «лестницей» из 14 основных классов-чинов гражданской, военной, морской и придворной службы. Табель о рангах облегчала карьеру неродовитым дворянам, а выходцам из «подлых сословий» давала возможность получить потомственное дворянство (в XVIII в. — с VIII класса). Этот закон просуществовал с некоторыми изменениями до 1917 г. и лег в основу традиций российской бюрократии.

Дополнительными «пряниками» для служащих стали представление к орденам (до 1826 г. награждение любым орденом означало получение потомственного дворянства) и пожалование титулами — баронскими, графскими и даже княжескими, на которые отныне могли претендовать даже лица «никакой породы».

Многие из петровских коллегий сохранили функции бывших приказов. Но в ходе реформ появились и совершенно новые учреждения. Для контроля над растущей администрацией в 1711 г. возник инсти-

тут фискалов: 500 чиновников (по два в каждом провинциальном городе) обязаны были «над всеми делами тайно надсматривать и проводить» и доносить в центр обер-фискалу о замеченных должностных преступлениях. Деятельность церковных властей контролировали духовные фискалы-«инквизиторы».

В 1722 г. тайный надзор был дополнен явным — прокуратурой. Первым генерал-прокурором Сената стал П.И. Ягужинский — «наше око и стряпчий о делах государевых», как называл его Петр. Ему подчинялись прокуроры коллегий и надворных судов в провинции; они имели право вмешиваться в деятельность всех учреждений и требовать пересмотра дел в соответствии с законом. Прокуроры контролировали деятельность фискалов — но и фискалы могли доносить на прокуроров.

Другим рычагом проведения реформ стали органы политического сыска — Преображенский приказ в Москве и Тайная канцелярия в Петербурге. При Петре они «первые выделились в самостоятельное ведомство и пресекали все попытки сопротивления правительственному курсу «сверху» или «снизу». Главный судья Преображенского приказа, жестокий, но неподкупно честный «князь-кесарь» Ф.Ю. Ромодановский даже замещал царя на время отъезда и сообщал ему о своей деятельности коротко и ясно: «Беспрестанно в кровях омываемся». Процедура следствия по политическим делам оканчивалась массовыми расправами: в результате стрелецкого восстания 1698 г. было казнено 1091 чел.; из 500 человек, привлеченных по делу о восстании в Астрахани (1706), 365 были приговорены к повешению, отсечению головы, колесованию.

Контроль «сверху» Петр дополнял надзором «снизу». Основным средством для этого в централизованной системе было всемерное поощрение доносительства; в 1713 г. государь впервые обязался лично принимать и рассматривать доносы и призвал подданных «без всякого б опасения приезжать и объявлять... самим нам» о «преслушниках указам» и «грабителях народа». За такую «службу» доносчик мог получить имущество виновного, «а буде достоин будет — и чин», т. е. новый социальный статус. Присяга обязывала подданного доносить — «благовременно объявлять» — о всяком «его величества интереса вrede и убытке».

Усилия Петра не пропали даром. Донос стал для власти эффективным источником информации о реальном положении вещей в дале-

кой провинции, а для подданных — единственным доступным путем посчитаться с влиятельным обидчиком. Можно представить себе, с каким чувством «глубокого удовлетворения» обыватели сочиняли бумагу (а чаще по неграмотности объявляли «слово и дело» устно); в результате воевода, офицер, а то и бедолага-сослуживец могли угодить под следствие. «По самой своей чистой совести, и по присяжной должности, и по всеусердной душевной жалости... дабы впредь то Россия знала и неутешные слезы изливала», — восторженно доносил подьячий Павел Окуньков на соседа-дьякона, что тот «живет неистово» и «служить ленитца».

Реформы сделали общество более мобильным. Царь обладал умением выбирать толковых помощников; его «птенцы» быстро приобретали опыт и делали стремительную карьеру. Артемий Волинский в 15 лет стал солдатом, в 27 — полномочным послом в Иране, в 30 — полковником и астраханским губернатором. Поступивший на русскую службу бедный немецкий студент Генрих Остерман благодаря своим способностям и знанию языков в 25 лет стал уже тайным секретарем Посольской канцелярии, а в 40 — вице-канцлером и фактическим руководителем внешней политики России.

«Школой» для большинства деятелей той эпохи послужила гвардия. Гвардейцы Петра выполняли самые разные поручения: формировали новые полки, проводили первую перепись, назначались посланниками, ревизорами и следователями по особо важным делам. Простой сержант посылался (с правом личной переписки с царем) «для понуждения губернаторов и прочих правителей в сборе всяких денежных сборов» и делал выговор почтенному губернатору в генеральском чине. Символом доверия к гвардейцам стало включение 24 офицеров Преображенского полка в число судей над царевичем Алексеем: рядом с вельможами подпись под приговором сыну своего государя поставил прапорщик Дорофей Пвашкин.

«Петровское наследство»

Сын Петра I от нелюбимой и сосланной в монастырь Евдокии Лопухиной не смог — или не захотел — быть таким наследником, которого отец желал видеть; «омерзение» к образу жизни Петра перешло у сына в неприятие его преобразований. В 1715 г. в день по-

хорон жены Алексей получил «Объявление сыну моему», которое после обвинений в лени и нежелании заниматься государственными делами завершалось угрозой: «...известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мни себе, что один ты у меня сын...».

Итогом затянувшегося конфликта стало бегство царевича за границу, пресеченное блестящей операцией русской дипломатии. Затем последовали разыгранный в Кремле спектакль прощения, отречение от престола, следствие в застенках Тайной канцелярии, смертный приговор и загадочная смерть в Петропавловской крепости. Какими бы ни были последние часы жизни Алексея, в народном сознании царь мог выглядеть убийцей сына. Ветераны Петровской эпохи, как солдат Навагинского полка в Кизляре Михаил Патрикеев, спустя много лет рассказывали собеседникам: «Знаешь ли, государь своего сына своими руками казнил».

До недавнего времени эти события оценивались как разгром реакционных сил, знаменем которых был Алексей. Такой трактовке способствовало единственное издание материалов «дела» в XIX веке, где текст документов правился с целью устранения информации о сочувствовавших царевичу представителях петровской знати.

Современные исследования «дела» показывают, что царевич не организовывал заговора против отца, но ждал своего часа. При дворе к середине 1710-х гг. сложились две противоборствовавшие «партии»: во главе первой стоял А.Д. Меншиков, другую возглавляло семейство Долгоруковых, приобретавшее все большее влияние на царя. К взрослому наследнику тянулись лица из ближайшего окружения Петра, в их числе фельдмаршалы Б.П. Шереметев и В.В. Долгоруков, сенаторы Я.Ф. Долгоруков и Д.М. Голицын. Эта «оппозиция» готовилась после кончины Петра возвести отрекшегося по воле отца от престола Алексея на трон или сделать его регентом при сводном младшем брате Петре.

Труднее говорить о планах оппозиции. Некоторые авторы считают возможным охарактеризовать эту группировку как «умеренных реформаторов европейской ориентации». Выводы эти кажутся обоснованными применительно к таким личностям, как моряк Александр Кикин или боевой генерал Василий Долгоруков. Однако проблема в том, что в кругу «сообщников» царевича были также люди, настроенные против всяких реформ. Едва ли стоит идеализировать и самого

Алексея как политического деятеля. Он как будто хотел отказаться от имперской внешней политики, но в то же время собирался «не жалея ничего, достигнуть наследства», вплоть до использования военной помощи, которую обещал ему австрийский вице-канцлер граф Шенборн. Эти показания историки считают достоверными — тем более что они не были «подказаны» ему в вопросах следователей.

Как бы сочетались в случае вступления Алексея на престол его намерения опереться на духовенство (царевич рассчитывал, что архиереи и священники его «владельцем учинят»), не «держат» флот и передать российские войска и «великую сумму денег» в распоряжение Австрии с планами просвещенных реформаторов? К тому же Алексей, выступая против реформ отца, унаследовал его темперамент: мог пообещать посадить на кол детей канцлера Головкина и всерьез собирался жениться на своей любовнице, крепостной Евфросинье: «Видь де и батюшко таковым же образом учинил». Похоже, приход царевича к власти вызвал бы новые столкновения в имперской верхушке и мог закончиться дворцовым переворотом — или ссылкой, а то и плахой для слишком «европейски ориентированных» вельмож. Но избранный Петром «силовой» выход из кризиса вместе с устранением законного — в глазах общества — наследника тоже обещал в будущем потрясения.

Созданный в первой четверти XVIII в. мощный механизм власти помог мобилизовать силы страны, в кратчайший срок создать современную промышленность, выиграть тяжелейшую войну, заложить основы светского образования, внедрить ряд культурных инноваций и европеизированный образ жизни. Вместе с тем масштабная модернизация не была безоглядным разрывом с прошлым, как бы самому Петру этого ни хотелось.

Успех преобразований во многом был обусловлен как раз тем, что планируемые реформы царь велел приравнивать к местным условиям — «спускать с русскими обычаями» — прежде всего, с повышенной ролью государства во всех сферах общественной жизни и «служебным» характером отношений всех социальных слоев с властью. В результате западноевропейские «образцы» на русской почве приобретали местные черты.

Наиболее совершенным «детисцем» Петра стала «регулярная», т. е. единообразно устроенная, обмундированная, вооруженная и обученная, армия. Ее победы сделали Россию великой державой: в

1720 г. страна могла выставить 79 тыс. штыков пехоты и 42 тыс. сабель кавалерии, мощный артиллерийский парк и инженерные части. В крепостях стояли гарнизонные полки; южные границы охранялись ландмилицией — территориальными войсками, набравшимися из живших на юге мелких служилых людей—«однородцев». Помимо регулярных войск, имелись полки казаков, татар, башкир, численность которых достигала 40—70 тыс. чел. Российский флот стал сильнее на Балтике: Швеция в завершающую кампанию Северной войны могла вывести в море только 11 линейных кораблей, Россия — 30, оснащенных 2 тыс. пушек, с 10 тыс. матросов и солдат.

В новой армии утвердился рекрутский, а не наемный, как в большинстве европейских стран, порядок комплектования. Прибывшие в полк мужики-рекруты включались не только в официальные структуры (батальоны и роты), но и в привычные для них формы организации — солдатские артели с круговой порукой. Эти черты делали русскую армию XVIII в. социально и национально однородной и переносили в нее свойства привычного для крестьянина жизненного уклада. Вместе с солдатами пожизненную службу несли дворяне-офицеры — так же, как их предки-помещики в XVI—XVII вв. Сохраняя тяжелую пожизненную службу, петровская европеизация не давала «шляхетству» гарантий, в том числе — от телесных наказаний и регламентации личной жизни.

Петр отказался от шведской модели местного самоуправления (с кирхшпилем-приходом, управляемом кирхшпильфогтом вместе с пастором и выборными от крестьян): «...ис крестьян выборным при судах и у дел не быть для того, что всякие наряды и посылки бывают по указом из городов, а не от церквей, к тому же и в уездах ис крестьянства умных людей нет». Начальником низшей административной единицы — дистрикта — стал выборный из дворянства земский комиссар. Его, в свою очередь, контролировал командир размещенного в данной местности на «вечные квартиры» полка. Эти же части стали параллельной гражданской военной администрацией и полицейскими командами по сбору податей и поимке беглых крестьян.

Вице-президент Коммерц-коллегии Генрих фон Фик (это он собирал в Швеции материалы для коллежской реформы) представил Петру проект Регламента Главного магистрата. Этот проект предполагал настоящее городское самоуправление, а Главный магистрат только координировал бы деятельность самостоятельных городских

магистратов. Пётр и здесь пошел традиционно российским путем. В русских городах в 1723—1724 гг. появились магистраты. Однако слабость российского купечества не позволила им стать такими же реальными органами управления, какими они были в Западной Европе. Их задачей стало выполнение полицейских обязанностей: выявлять пришлых людей без «покормежных писем»; выдавать паспорта; организовывать полицейские наряды во главе с десятскими и сотскими; искоренять «праздных и гулящих», «понуждать» их «к каким возможно художествам и ремеслам или работам».

У этого «самоуправления» не было реальных, гарантированных законом источников доходов, что делало невозможным развитие местной экономики и инфраструктуры — «покровительство» мануфактурам и рукоделиям, развитие «художеств» и торгов, учреждение бирж, ярмарок, школ, богаделен, обеспечение пожарного «охранения», чистоты улиц и ремонта мостов. Прибывший в город со своим отрядом офицер или местный воевода мог отдавать приказания бесправному «бурмистру», а то и поколотить его. Закон предписывал магистратам прежде всего собирать «положенные с них доходы»; к тому же это «самоуправление» было поставлено под контроль бюрократического «министерства городов» — Главного магистрата.

Родовитое дворянство сохранило за собой ключевые государственные посты первых четырех рангов. Бюрократический аппарат отторгал несовместимые с ним новшества вроде коллегиальности. Каково было, например, на заседании Военной коллегии безвестному полковнику Пашкову спорить с генерал-фельдмаршалом и личным другом государя Меншиковым? Независимый от администрации суд вскоре после смерти Петра был упразднен еще и по причине невозможности найти потребное количество юристов. Дело доходило до того, что в Сибири судьей назначили человека, судимого за два убийства и находившегося под следствием за третье — как единственного грамотного и знакомого с юриспруденцией.

Оборотной стороной выдвижения новых людей стало снижение уровня профессионализма чиновников при возрастании их амбиций — теперь карьера обещала «беспородному» разночинцу и богатство, и дворянский титул. Дьяки и подьячие XVII в. взятки брали умереннее и аккуратнее, а дело свое знали лучше, чем их европеизированные преемники, отличавшиеся полным «бесстрашием» в злоупотреблениях.

В записках Генриха фон Фика приведен портрет такого «нового чиновника», с которым ему пришлось встретиться в Сибири. «Молодой двадцатилетний детинушка», прибывший в качестве «комиссара» для сбора ясака, на протяжении нескольких лет «хватал все, что мог». На увещания честного «немца» о наказании за хищения «он мне отвечал так: "Брать и быть повешенным обое имеет свое время. Нынче есть время брать, а будет же мне, имеючи страх от виселицы, такое удобное упустить, то я никогда богат не буду; а ежели нужда случится, то я могу выкупиться". И когда я ему хотел более о том рассуждать, то он просил меня, чтоб я его более такими поучениями не утруждал, ибо ему весьма скушно такие наставления часто слушать» (цит. по: Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточной Сибири в первой половине XVIII в. // Ссылка и каторга в Сибири. Новосибирск, 1975. С. 28-29).

Уже при жизни Петра были казнены сибирский губернатор М. Гагарин, глава всех фискалов А. Нестеров (1722), сенатор Г. Волконский; непрерывно находился под следствием Меншиков. В последний год жизни Петр приказал расследовавшему дела о казнокрадстве генерал-фискалу Мякинину «рубить все догла», но это едва ли помогло. За сотни и тысячи верст от Петербурга воеводы и прочие должностные лица становились совершенно неуправляемыми.

Сенаторская ревизия графа А.А. Матвеева в 1726 г. вскрыла «упущения казенных доимков» на 170 тыс. руб. только по одной Владимирской провинции, бездействие судов и произвол «особых нравом» начальников. «Непостижимые воровства и похищения не токмо казенных, но и подушных сборов деньгами от камериров, комиссаров и от подьячих здешних я нашел, при которых по указам порядочных приходных и расходных книг здесь у них отнюдь не было, кроме валяющихся гнилых и непорядочных записок по лоскуткам», — таким увидел ревизор «регулярное государство» изнутри.

При этом петровская административная система не выработала строгих норм компетенции и ответственности. Субординация государственных «мест» и нормальное «течение» дел постоянно нарушались, чему немало способствовал сам император. Множество рапортов и жалоб шло прямо в Кабинет, а оттуда выходили — минуя Сенат и кол-

легии — именные указы и устные распоряжения царя. Заключить «работу» монарха в определенные правовые рамки Петр не мог и не желал — это означало бы ограничение самого принципа самодержавия, закрепленного в Воинском уставе 1716 г.: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен».

Петр провозглашал принципы «разума» и «порядка», по которым должно строиться государство и жизнь его обитателей; личным примером стремился утвердить идеал сознательной службы «общему благу»; но он не представлял себе возможности определения этого порядка (лицами или учреждениями) иначе, как по его воле. Юношеские впечатления от заморской «вольности» у Петра остались надолго, но в зрелом возрасте он не мыслил ее применения для своих подданных. Простота обихода, демократизм в общении с людьми самого разного положения, даже пренебрежение традицией лишь сильнее оттеняли его право наставлять их «яко детей» и требовать беспрекословного послушания.

«Петр Великий, беседуя в токарной с Брюсом и Остерманом, с жаром говорил им: "Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. Свидетели тому — вы. Полезное слушать рад я и от последнего подданного; руки, ноги, язык не скованы. Доступ до меня свободен — лишь бы не отягощали меня только бездельством и не отнимали бы времени напрасно, которого всякий час мне дорог. Недоброхоты и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны; уда им — закон. Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру"» (Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 82).

Петр был убежден в том, что его армия — наиболее совершенный механизм управления, и стремился распространить армейские порядки на все государственное устройство. Царь желал, чтобы все дворя-

не прошли эту школу — если не в полках, то, по крайней мере, в гражданских канцеляриях.

Указ 1714 г. о единонаследии предписывал не дробить дворянские имения и передавать их только одному из сыновей; безземельные наследники должны были поступать на службу. Этот же закон ликвидировал разницу между поместьем и вотчиной, но одновременно предписывал «не продавать и не закладывать» дворянские земли, за исключением «крайней нужды», т. е. прямо ограничивал дворянское право собственности. Другие указы не позволяли безграмотным недорослям жениться, не разрешали производить в офицеры не служивших рядовыми в гвардейских полках, запрещали не служившим покупать земли и крестьян. Военский устав был принят как образец для гражданских учреждений и служащих. Должностные преступления чиновников были приравнены к измене, большинство из них каралось смертной казнью.

При помощи указов и инструкций царь стремился регламентировать всю жизнь людей, включая сюда даже их личную жизнь и чувства. Подданный «должен был жить не иначе как в жилище, построенном по указному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указном месте лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указные сроки», — так представлял идеал петровского «регулярства» замечательный исследователь эпохи М.М. Богословский. «Отеческий» надзор должен был исключить самую возможность существования сколько-нибудь независимой от государства сферы человеческого поведения.

Основным же инструментом для устройства «регулярной» жизни подданных Петр считал созданную им полицию, в которой видел подлинную «душу гражданства».

В Уставе Главного магистрата содержится настоящий гимн полиции как движущей силе общественного развития:

«... Оная споспешествует в правах и правосудии, рождает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, принуждает каждого к трудам и честному промыслу, чинит добрых домостроителей, тщательных и добрых служителей, горо-

да и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные прегрешения, призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих немущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» (Законодательство Петра I. М., 1997. С. 445—446).

Возможно, император все же ощущал перенапряжение сил страны: к концу царствования он желал продолжения преобразований таким образом, «дабы народ чрез то облегчение иметь мог». Однако курс на модернизацию «служилого» государства при сохранении сложившихся социальных отношений не изменился. Петр издал указ о «непринуждении рабов к браку», публично осуждал произвол помещиков, продававших крестьян «врознь», что, однако, нисколько не мешало подобной торговле.

Накопленная за столетия русской истории инерция развития все более уменьшала возможности иного, некрепостнического пути. Возможно, воля и темперамент Петра могли подвинуть его если не на отмену крепостного права, то хотя бы на регламентацию крестьянских оброков и повинностей. Правда, только в том случае, если бы такая идея была признана им необходимой. А этого — судя по известным нам документам и свидетельствам современников — не было. Да и если бы было — не случилось ли бы тогда в нашей истории одним дворцовым переворотом больше? Ведь акция такого масштаба для ее успешного осуществления должна опираться на единство правящей группы; но его не было, как и осознания необходимости подобных перемен.

Образование и «европейский образ жизни» были доступны лишь помещикам — владельцам более 100 душ. Основная же масса дворян (90%) была мелкопоместной и имела не более 100 душ, а большинство из них (60%) — всего от одной до 20 душ. Их «имения» совсем не были похожи на барские усадьбы пушкинской поры с их парками и

библиотеками. Дворяне первой половины XVIII в. свои «университеты» проходили в походах и «баталиях», воеводской и канцелярской службе, где тянуть ляжку приходилось до 60 лет и старше. «Во Мценском уезде, в Большом Городком стану, деревня Юдино, а в ней двор помещиков, а на помещикове дворе строения: светлица белая да изба черная, между ими сени, посторонь их повалуша, 3 избы люцких пустых, житница с хлебом, а хлеба в ней — ржи молоченой 1 четь, 2 конюшни, баня, 3 житницы порозжие, на гумне помещикове овин, ржи стоячей помещиковы 2 скирда, да скирд гречихи, одонье овса; да в той же деревни крестьян... 2 двора» с 14 чел. крестьян вместе с детьми — вот как выглядело обычное имение такого служаки. Для мелких чиновников и низших офицеров даже такая «деревня» была средством обеспечения при никогда не выплачиваемом вовремя жалованьи. При этом закон не гарантировал наследственного владения «недвижимым имением»: описанная выше деревушка Юдино была конфискована у ее владельца Саввы Емельяновича Гринева за обычное «огурство» — неявку на службу. Всего же в первой четверти XVIII в., по неполным данным, земли были конфискованы у 3 тыс. дворян.

К тому же одержимость Петра в создании своего «регулярного» государства опиралась на реальную веру во всемогущество верховной власти и государственного принуждения. Убежденный сторонник преобразований Иван Посошков в своем экономическом трактате призывал «страхованием» заставлять детей учиться, шире вводить фискальную службу и доносы, принуждать работать нищих и «тюремных сидельцев» и даже называл сумму предполагаемого дохода в 200 тыс. руб. от труда заключенных — эта идея зародилась задолго до ее реализации в XX в.

Изобретатель, специалист («водочный мастер») и не слишком удачливый предприниматель Посошков требовал установления жестких сословных рамок (вплоть до особого платья для «всякого чина» людей), введения для крестьян строжайшего паспортного контроля, норм посевов и регулярной планировки деревенских усадеб. Он был убежден в возможности царским указом утвердить курс рубля: «А наш великий император сам собою владеет и в своем государстве аше и копейку повелит за гривну иметь, то так и может правиться».

Петр пробуждал у подданных инициативу и чувство долга, оставляя их при этом в условиях всеобщей несвободы. В немалой степени ему это удалось: благосклонное внимание царя оставалось главным

критерием, смыслом и стимулом службы дворян XVIII столетия. Правда, прошедшие петровскую «школу» дворяне со временем не могли не задуматься о плюсах и минусах реформ.

У самого же Петра колебаний, кажется, не было. Завершение переписи совпало с введением паспортной системы и устройством в 1724 г. «вечных квартир» для полков регулярной армии. Предусматривалось создание настоящих «военных поселений» — слобод с типовыми, поротии поставленными избами, полковым хозяйством, рабочим скотом и даже женитьбой солдат на местных крестьянках, которых в интересах армии предполагалось отпустить из крепостных.

В январе 1725 г. послы России в европейских странах получили для обнародования императорский манифест (он не вошел в официальное «Полное собрание законов Российской империи»), предписывавший им немедленно объявить царскую волю: «...Дабы всяких художеств мастеровые люди ехали из других государств в наш российский империум» с правом свободного выезда, беспошлинной торговли своей продукцией в течение нескольких лет. Государство обязалось предоставить прибывшим квартиры, «вспоможение» из казны, свободу от постоя и других «служб». Похоже, Петр, как в начале своего царствования, готовил очередную «волну» иммигрантов, чтобы дать новый импульс преобразованиям в экономике.

Сохранившиеся в записных книжках Петра наметки предусматривали дальнейшую регламентацию новых порядков: «Уложение слушать», ввести единые сроки (в декабре) для производства в чины служилым, а «мужикам сделать какой малинкой регул и читать по церквам для вразумления».

Последние изданные именные указы Петра конца 1724 — начала 1725 г.: о жалованьи чиновникам, скорейшем сборе подушных денег на гвардию, продаже товаров в Петербурге по ценам, аналогичным московским, о расположении к 1 марта 1725 г. полков на новых квартирах — свидетельствуют о неизменности избранного курса государственного строительства. Уже подготовлен был новый свод законов, который в разделе гражданского права («О содержании добрых порядков и о владении собственностью») провозглашал формулу крепостной зависимости: «Все старинные крепостные люди и по вотчинам и поместьям и по иным всяким крепостям люди и крестьяня вотчинником своим крепки и в таком исчислении, как о недвижимом имении положено». В манифесте, которым надлежало объявить вве-

дение нового Уложения, говорилось, что подданные «будут мирны, безмятежны и смирении», и каждый может «благочестно пребывать» и «познавать» свое звание.

Российская модернизация, проводимая рабами регулярного государства, неуклонно сворачивала на казенно-крепостнический путь.

Подробнее на эту тему:

Bushkovitch P. Peter the Great: the struggle for power. 1673-1725. Cambridge: Cambridge university press, 2001.

Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.

Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994.

Петр Великий: Pro et contra. М., 2003.